

СВЕТЛАНА ЕРЕЩЕНКО

Волшебство
только
начинается

ТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ
СКАЗКА

Светлана Владимировна Ерещенко

Волшебство только начинается.

Терапевтическая сказка

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63423362
SelfPub; 2021*

Аннотация

Ни один человек на земле не знает полной правды: что, как и почему.

Разве что волшебная сила поможет выяснить истину.

Как и произошло с девочкой Зоей.

Узнав правду, она прозрела сердцем. И мир вокруг преобразился.

Светлана Ерещенко

Волшебство

только начинается.

Терапевтическая сказка

Глаза слепы. Искать надо сердцем.

Антуан де Сент-Экзюпери

Если свет снаружи гаснет, зажги его внутри.

"Нет! Нет! Не уходи!" – изо всех сил кричала Зоя вслед

удаляющейся по коридору матери.

Точнее, ее прямой, как столб, спине.

Жесткой и несгибаемой. Как и мамин характер.

Зоя изо всех сил вырывалась из рук Нины Михайловны, она брыкалась, била о пол ногами, пыталась разжать руки воспитателя и рвалась, рвалась побежать к маме.

Обнять, прижаться, умолять.

Не уходить.

Не расставаться.

Не бросать ее.

Не оставлять надолго одну.

Не предавать.

В очередной раз.

Зоя надрывно кричала, билась в руках доброй Нины Михайловны, которая сама едва сдерживала подступающие слезы.

Каждый Зоин рывок на считанные миллиметры приближал ее к матери, давая на мгновение надежду на возможность кинуться в родные объятия. Чтобы задержать. Остановить. Оставить себе.

«Мама, не уходи, пожалуйста, не оставляй меня здесь, маааа!..» – крик Зои ударялся о стремительно удаляющуюся мать, будто подталкивая ту к выходу, и никак не мог ее приостановить. А только ускорял приближение разлуки.

Ах, если бы Зоя знала, что удержать уходящего человека мольбами и криком невозможно, быть может, она придумала бы какой-то другой, гениальный способ, и мама непременно бы задержалась.

Но...

Зое было лишь десять лет. И ее опыт по удерживанию любимых людей около себя был ничтожно мал.

Все, что она умела, – всем своим существом выражать протест и боль, когда тот, в ком для тебя вся вселенная, стремится уйти.

И сейчас она протестовала и умоляла, кричала и билась в руках Нины Михайловны, как раненая птица. С каждым шагом матери силы Зои иссякали, голос становился тише, пока не превратился в хрип, и девочка замолчала.

Наконец мать подошла к входной двери, рывком открыла ее и вышла. Зое показалось, что после ухода мамы в коридоре стало темно и холодно. А сам коридор сузился и стал похож на длинный туннель, упиравшийся в закрытую дверь. Только это был туннель без выхода, с одним лишь входом.

Зоя прерывисто всхлипнула, несколько раз по инерции дернулась в руках воспитателя и постепенно затихла. Ее взгляд стал отрешенным. Глаза привычно отыскиали окно, и девочка уставилась в него.

«Ну, милая, все... Успокойся... Все будет хорошо...» – приглушенно слышала Зоя слова Нины Михайловны. Воспитатель обнимала девочку и заглядывала в глаза.

Но Зоя ее почти не слышала. Она все так же безучастно смотрела в окно.

В окно стандартного размера. Со стандартной рамой из белого пластика.

За три года пребывания в интернате для слабовидящих детей Зоя наперечет выучила, сколько окон в каждом помещении, где теперь проходили часы и дни ее жизни. Девочка не любила окна интерната. Зое казалось, что они похожи на пустые глазницы. В силу сниженного зрения, она не могла видеть, что находится за стеклом. И окна напоминали Зое ее полуслепые глаза.

Самыми нелюбимыми для девочки были окна коридора. Именно эти «глазницы» были равнодушными свидетелями большой драмы маленького ребенка: отданная матерью в интернат, Зоя постепенно угасала.

Физически девочка, за исключением зрения, была здорова. Но ее душа, так стремившаяся домой к матери, болела, вновь и вновь натываясь на острые шипы «правды».

Что Зоя «не такая, как все». Полуслепая инвалидка. И что мама ее не любит. Раз поместила в казенное учреждение. От-

дала в «семью» с такими же слабовидящими детьми. Доверила заботу о Зое чужим людям. Сняла ее с себя, как снимают в конце дня тяжелую сумку. Избавилась от надоевшей обузы. Почти забыла.

Это была Зоина правда.

Которую она молча выстрадала бессонными ночами, лежа на мокрой от слез подушке. В этой маленькой собственной правде девочка находила какое-то горькое утешение.

Будто такое понимание происходящего с Зоей давало ей некую опору. Примиряло с горем разлуки. Дарило немного сил для проживания тусклых дней. Неделя за неделей. Месяц за месяцем. Год за годом.

В этих серых днях, как искры костра, ярко вспыхивали часы, когда девочку навещала мама. В такие минуты мир распахивался для Зои. Отодвигались потолки и стены, звуки становились отчетливее, а запахи острее, все кругом преображалось.

И сама Зоя ощущала небывалую легкость, веселье и спокойствие. В душе наступало блаженство. Как будто она, наконец-то, воссоединялась с тем, без чего не получалось быть по-настоящему живой.

Но особенное счастье девочка испытывала, когда мама привозила ее домой.

И Зоя счастливо погружалась в пьянящие привычные запахи и ощущения. Такие родные. Незабываемые. Целительные.

Нечастые – раз в несколько месяцев – посещения Зоей дома, с одной стороны, напитывали ее радостью и счастьем, словно маленькое растение живительной влагой. С другой стороны, эти восхитительные часы и дни разом меркли, когда приходило время прощаться.

После домашнего уюта с мамиными пирогами, совместными играми и сказкой на ночь девочка переживала возвращение в интернат с ощущением внезапной, почти физической, боли.

Подобно той, что бывает при ожоге или вырывании с мясом кусочка кожи.

И с чувством недоумения: «За что?»

Сейчас Зоя, по-прежнему, смотрела в сторону окна. Какая-то часть ее сознания отмечала, что становится темнее, а по стеклу негромко стучит ветка дерева. Но большая часть существа погрузилась в оцепенение и бесчувствие. Зою истощила пережитая эмоциональная буря. А «спячка наяву» привычно защищала ее от острой тоски, накрывавшей Зою после ухода матери. Она оберегала девочку от погружения в огромное, как океан, отчаяние.

Зоя почти постоянно подспудно чувствовала этот сокрытый в глубинах ее существа темный водоем бесконечной

печали и инстинктивно отгораживалась тонким льдом безучастности.

Интуиция девочки беззвучно подсказывала: не заглядывай туда, не соприкасайся, не ныряй. Утонешь.

...Своего папу Зоя видела всего один раз в жизни.

Он приходил к ним домой, когда врачи поставили девочке неутешительный диагноз «атрофия зрительных нервов». Отца пригласила мама.

Папа показался Зое великаном. От него пахло машинным маслом. Голос мужчины был непривычно громким и низким. Через каждые несколько слов папа говорил слово «блин», постоянно что-то прибавляя: «эх, блин горелый», «вот, блиннице».

Зоя пряталась за маму, когда, войдя, отец протянул девочке большого мягкого зайца белого цвета. Она играла с зайцем, пока родители долго о чем-то говорили. Зоя слышала через стену то размеренный голос матери, то голос отца с нотами раздражения и даже злости. Когда папа ушел, Зоя уже спала, обнимая своего нового плюшевого товарища.

На следующее утро мама сказала Зое, что теперь они будут жить врозь. Нужно побыть в специальной школе, где девочку научат читать пальцами. И эта школа находится в другом городе, поэтому придется остаться там на время. На все Зоины «не хочу, не поеду» мама отвечала одно: «Так надо».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.